

Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича

А как ездил тут Добрыня по чисту полю,
Как разгуливал-то он на добром коне змеином же;
Наступала тут ему да ночка тёмная,
А тогда сходил с добра коня,
Разоставил себе бел шатер полóтняный,
А как сам он в шатер спать лёг.
А как по утру, утру раннему,
По восходу-то было солнца красного,
А как бьет его конь сильно во сыру землю;
А как мать сыра земля потрясается.
А от сна Добрыня пробуждается,
Выходил Добрыня из бела шатра,
А как брал он себе трубочку подзорную,
А как смотрел-то во все четыре стороны.
А некогó-то он не усмотрел,
А как сам взошел в белый шатёр, спать ведь лёг.
Как забил-то его добрый конь да во второй након.
Выходил-то Добрыня из бела шатра,
Как смотрел-то здрил (зрел) во ту же трубочку подзорную,
А зашел-то он опять в бел шатёр, спать ведь лёг.
А забил-то конь да во третий након;
Выходил-то Добрынюшка да из бела шатра,
Как смотрел-то во трубочку подзорную
По чисту полю во все четыре стороны.
А как говорил-то его добрый конь:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
Поезжай ты, заставай скоро, домовь:
Как твоя-то молода жена идет в замужество».
А как тут Добрыня крутёхонько собирается;
А как скоро обирал свой белый шатёр полóтняный,
Скоро, легко скакал да на добра коня,
Он добру коню да приговарива(е)т:
«А бежи ты, мой добрый конь Воронеюшко,
Уж ты так бежи, как стрела летит каленая;
А скачи-тко ты да с горы на гору».

Как побежал его добрый конь как стрела каленая,
Как скачет с горы на гору,
Как озёра, мелки реки перескакива(е)т.
Скоро приехал в красен Киев-град,
К своему широкому двору.
А заехал он к себе всё во широкий двор.
А никто добра молодца не встретил же:
Не (в)стречает его матушка родна его
А как та же Омельфа Тимофеевна,
Не (в)стречает его молода жена Настасья королевична,
Королевична она да дочь Микулична.
А как заходит ведь в новы горницы,
Во свои палаты белокаменны,
А как молится Спасу пречистому,
Поклоняется-то Матери Божью-то Богородице.
Как сидит-то на стуле рыта бархата.
Не узнала-то она своего чада милого,
А как милого чада, любимого,
А того де всё Добрынюшку Микитича,
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Уж ты здрастуй-ка, Добрынина родна матушка!»
Говорила Добрынина родна матушка:
«Уж ты где видал, ты ведь где слышал
Как про моего чада милого?»
«Мы вчерашнего-то дни с ним разъехались:
Как поехал всё ведь направо,
А как он поехал всё ведь налево;
Он велел тебе да низко кланяться.
А сегодняшней день наедет к вечеру.
А да где же его да молода жена?»
Говорила Добрынина-то его родна матушка:
«Как его жена всё заму́ж идёт
За того Олешеньку Поповича,
За того за бабьего просмешника,
Как которого не любило моё чадо милое».
Он ей наказывал, крепко да наговаривал:
«Как пройдет-то мне ровно двенадцать лет,
Хошь за князя пойдди, хошь за боярина,
За купца ты пойдди, гостя торгового,

Хошь за крестьянина подь прожиточна¹;
Не ходи только за Олешеньку Поповича.
А как я не люблю роду всё поповского.
Он охоч был хвастать красными девушками понапрасному,
Он охоч был смеяться (над) молодыми женами мужними,
Всё ведь хвастал молодыми вдовами всё безмужными».
Говорил-то Добрыня таковы речи:
«Уж ты гой еси, ты Добрынина родна мамушка,
А как та же молода вдова Омельфа Тимофеевна!
А как дай же ты Добрынино да платье цветное,
А пойду-то я смотреть Олешеньку ко князю ко Владимиру».
А да приносила она платье цветное.
Обувал Добрынюшка сапожечки-обролочки,
Надевал на себя шубу черных соболей,
Надевал шляпу Добрынюшка пуховую.
«Уж ты гой еси Омельфа Тимофеевна!
Уж ты дай Добрынины и гусельцы».
А как подала она со спички² его гусельцы.
А пошел Добрыня ко князю-то Владимиру.
Приходил-то он к нему да на широкий двор,
А со широка двора да на красно крыльцо косящето,
Со красна крыльца да на новы сени,
А с новых сеней в палаты княженейские.
Заходил-то он в палаты княженейские,
Как молится он Спасу всё пречистому,
Поклоняется-то Матери-то Божью-то Богородице,
А как бьёт челом князю да со княгинею,
А о ту же о рученьку о правую:
«Уж ты здрастуй-ка, Владимир князь да стольнокиевский!
Уж ты здрастуй-ка, старый какзак да Илья Муромец!
Уж вы здра(в)ст(в)уйте, все русски богатыри!
Ай уж ты здрастуй-ка Олешенька Попович же!»
А как при пиру Добрыни не признали же.
А (в)стал-то Добрыня к той печке же муравленки,
Говорил Добрыня таковы речу да таковы слова:
«Ты позволь-ка, князь Владимир, поиграть на звончаты на гусли,
А да потешить тебя князя со княгинею,
Да потешить тут Олешеньку Поповича
А со той же с Настасьей всё с Микуличной».

Говорил тут князь Владимир же:
«Ты играй-то, молодец, сколько тебе хочется».
А зачал играть Добрыня в звончаты гусли;
Как игра(е) т он, в гусях выговарива(е)т,
Молодой жене да наговарива(е)т:
«Уж ты гой еси, Настасья дочь Микулична!
Не исполнила моего наказаньица!»
А как тут Настасья догадалася,
Как признала она Добрынюшку Микитича,
Выходила она из-за того стола, стола окольного,
А брала она Добрыню да за белы руки,
А как целовала его в уста сахарные,
А сама она говорила таковы речи:
«А здорово ты, Олешенько, женился, - тебе не с кем спать!»
А как тут разъярилось Олешеньки да его ретиво сердце;
Как схватил-то тут свою-то саблю вострую,
А хотел всё Добрыне отсечь буйну голову.
Захватил его праву руку старый казак да Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад!
Не серди ты, не груби Добрынинова ретива сердца.
А как я был не тебе чета, не тебе равна,
А сидел-то у меня Добрыня на белых грудях,
А хотел-то спороть мои да груди белые,
А досмотреть-то моего ретива сердца».
А полóжил-то Олешенька да саблю вострую.
Как пошел-то Добрыня от князя от Владимира,
А как брал жену да за праву руку,
Да ведёт-то к широку́ двору,
А увидела-то Добрынина родна матушка,
Как идёт приезжий гость, ведёт Добрынину жену да за праву руку,
А как тут Омельфа догадалася:
«Как не гость был у м(е)ня,
Было моё чадо милое!»
А как тут Добрынюшке конец пришел,
Про него писанье кончилось³.

Записана Б. А. Богословским в с. Нижней Зимней Золотице, на Зимнем берегу Белого моря, от Г. Л. Крюкова.

Эта былина составляет непосредственное продолжение былины о Добрыне и змее, напечатанной в книге А. Маркова: «Из истории русского былевого

эпоса», вып. II, стр. 51-53.

1 Прожиточный – зажиточный.

2 Спичка – вешалка.

3 Вероятно, последнюю фразу певец намекал на записывание его былины собирателем.